

Линь Чанбинь и не подозревал, что его постыдная тайна давно перестала быть таковой для домочадцев. В этот самый миг он, преисполненный нежности, ворковал со своей зазной, баюкая на руках младенца.

— Как думаешь, на кого наш Фугуй больше похож?

Женщина ласково улыбнулась:

— Разумеется, на тебя, дорогой. Посмотри на эти брови, на носик — вылитый отец, будто в одну форму отлиты.

Мужчина со смехом прижал ребенка к себе, не в силах сдержать восторга. Он осторожно ущипнул сына за пухлую щечку.

— Эх, и не гадал я, что на склоне лет судьба подкинет мне такое сокровище. Восполнил ты, малыш, мою вечную горечь от отсутствия наследника. Ради тебя я теперь обязан прожить еще не один десяток лет — накопить денег, женить тебя, дожидаться внуков...

Эту женщину в округе знали как вдову Юй. Ей исполнилось двадцать шесть, мужа она потеряла рано, и, оставшись без средств к существованию, устроила в собственном доме притон для тайных встреч.

Как-то раз Линь Чанбинь, заглянув сюда по наводке приятеля после нескольких чарок вина, с первого взгляда лишился покоя из-за этой моложавой вдовушки. С тех пор их и связала порочная близость.

В июне Цуйся — так звали вдову — объявила, что понесла. Ученый прикинул сроки — всё сходилось на их первую встречу. Обрадованный вестью, он велел ей оставить ребенка, и с тех пор они зажили как муж и жена, скрытые от чужих глаз.

— Дорогой, а когда же исполнится то, что ты обещал? — поинтересовалась Цуйся, поправляя ворот платья.

— Скоро уже. Сразу после Нового года сговоримся о свадьбе.

— И семья Фан вправду отдаст нам лавку?

— А куда денутся? — самодовольно хмыкнул он. — Я стану им тестем. Пусть только попробует отказать — я живо ему напомню, кто в доме хозяин!

Женщина звонко рассмеялась:

— Вот и славно. Наш Фугуй родился под счастливой звездой. Стану я тогда хозяйкой лавки, буду целый день с сыном на руках за прилавком сидеть, делами заправлять.

Видя ее кокетство, Линь Чанбинь совсем потерял голову от вожделения и потянулся к ней за поцелуем. Вдова Юй, хоть и чувствовала в душе лишь брезгливость, умело изобразила покорность, но вовремя проснувшийся младенец позволил ей мягко отстраниться.

— И чего ты зачастил к нам в эти дни? Твоя домашняя мегера ничего не заподозрит?

Он развалился на кровати, с обожанием глядя, как женщина кормит дитя.

— Не беспокойся. К ней гости приехали, ей сейчас не до меня.

— И долго ты собираешься прятать меня по чужим углам?

— Терпение, милая. Нужно дождаться, когда старшего спровадим. Если жена узнает сейчас, она костями ляжет, но брак этот расстроит.

Цуйся фыркнула и отвернулась к ребенку. В голове ее вовсю шел расчет: сколько еще можно выжать из этого старого дурня? Не будь она в таком отчаянном положении, разве пошла бы она на близость со старым сюцаем, который ей в отцы годится?

Впрочем, ожидание того стоило. Как только лавка от семьи Фан перейдет в их руки, о куске хлеба можно будет больше не заботиться.

Проведя у любовницы около двух часов, Линь Чанбинь выудил из кошелька две связки монет и поднялся.

— Пора мне в ломбард. Присматривай за моим сыном хорошенько.

— Иди уж, — отозвалась вдова. — Я мать ему, неужто обижу?

***

Смеркалось. Чэнь Жун собралась было на кухню, чтобы приготовить танбин, но Ван Ин удержал ее за руку.

— Тетушка, не нужно. Нам сейчас кусок в горло не лезет. Давайте сначала решим, как быть дальше.

Раз они твердо решили добиться холи, нужно было продумать каждый шаг. В эти времена развод по согласию сторон был делом непростым — без веских на то причин чиновники и слушать бы не стали. Одной лишь неприязни или остывших чувств было недостаточно.

И хотя все они знали об измене Линь Чанбиня, никто не ведал, где именно он прячет свою страсть. Если дело дойдет до суда, а изменник пойдет в отказ — без доказательств их тяжбе грозил крах.

Женщина, никогда не сталкивавшаяся с подобным, растерянно молчала.

— Вчера он уходил на всю ночь, значит, точно ночевал там, — рассудительно произнес Ван Ин.
— Когда он вернется, тетяшка, найдите повод и затейте с ним ссору посильнее, чтобы он в гневе снова из дома вылетел. А мы с Циньянем проследим за ним в темноте.

— Думаешь, получится?

— Нам только и нужно, что узнать адрес. Как говорится: вора ловят с поличным, а прелюбодеев — на ложе. Когда мы заждем их в том доме вдвоем, никакое красноречие ученого его не спасет.

— Хорошо! Будь по-твоему!

В западной комнате Линь Цю, проснувшись после тяжелого сна, выглядел уже не таким убитым горем. Узнав, что мать намерена расторгнуть брак, он почувствовал, как в сердце робко затеплилась надежда.

— Матушка, неужели вы и впрямь решились на холи?

Чэнь Жун с нежностью обняла сына:

— Только об одном сердце болит — после такого развода найти вам хорошую партию будет еще труднее.

— Матушка, да я лучше всю жизнь при вас останусь, в девках состарюсь, чем за такого человека пойду!

— Знаю, милый, знаю. И больше не смей о дурном помышлять. Что бы твой отец ни задумал, ничего у него не выйдет. Пока я жива, я вас в обиду не дам!

Ван Ин и Чэнь Циньянь переглянулись. Тяжелый камень, давивший на грудь, наполовину свалился.

***

Вечером Линь Чанбинь, мурлыча себе под нос какой-то мотивчик, возвращался из ломбарда. Проходя мимо лавки Лоши с ее знаменитыми копчеными курами, он на миг замедлил шаг.

«Может, купить одну?»

Но, подумав, решил, что пятьдесят вэней — слишком высокая цена за угощение для домашних. Лучше приберечь эти деньги для своего бесценного Фугуя.

Переступив порог дома, он первым делом привычно заглянул в уборную, а войдя в комнату, обнаружил, что все уже отужинали. На столе сиротливо жались остатки холодных блюд. Мужчина вспыхнул.

Он направился напрямиком на кухню к Чэнь Жун:

— Это что же получается? Поужинали, не дождавшись хозяина?

Хозяйка дома, едва сдерживая ярость, холодно бросила:

— А кто ж знал, явишься ты сегодня к столу или нет.

— Я с утра крошки во рту не держал! Свари мне чашку танбина.

— Муки нет.

— Тогда хоть жидкой каши плесни!

— Рис тоже на дне. Ты уже четыре месяца ни вэня в дом не принес, на что мне прикажешь припасы покупать?

Линь Чанбинь опешил:

— Вы же с сыновьями ткани ткете! Неужто у вас пары монет на горсть риса не найдется?

Чэнь Жун с силой швырнула тряпку на стол:

— И как только язык поворачивается такое говорить? Взрослый мужик на шее у жены сидит — люди со смеху помрут, если узнают! Спрашиваю тебя: где деньги, что ты в ломбарде заработал? Скоро Новый год, в доме шаром покати, а ну давай сюда две связки монет!

Жалованье Линь-сюэца составляло триста пятьдесят вэней в месяц. Утром он отдал любовнице две связки, и в кармане у него осталось немногим больше сотни. Делиться с женой он не собирался.

— Нету ничего! Мне по делам в городе ходить надобно, людей угощать — на всё деньги нужны. Отдам тебе — сам с чем останусь?

Она горько усмехнулась:

— Значит, чужие люди тебе дороже родных? Заработал гроши — и бегом их пропивать с дружками, пока жена и дети дома впроголодь сидят?

— Тише ты... — Муж опасливо покосился на восточную комнату. — Когда гости-то уедут?

— Тише? Теперь ты о чести вспомнил?! — вскричала Чэнь Жун, намеренно повышая голос. — Весь день на людях, а домой ни гроша не принес! Еще и ждешь, что я с детьми тебя кормить буду? Тьфу! В зеркало на себя посмотри, ученый муж, совесть-то у тебя осталась?!

Линь Чанбинь, чуя свою вину, не решился лезть на рожон. Он лишь в ярости затряс бородой.

— Сварливая баба! С тобой и говорить-то тошно! — бросил он и, картинно взмахнув широкими рукавами, в бешенстве выскочил за дверь.

Ван Ин и Чэнь Цинъянь, уже давно ждавшие этого момента, мгновенно выскользнули следом за ним.

Чэнь Жун, не находя места от волнения, схватила их за руки:

— Берегите себя.

— Не волнуйтесь, тетушка. Присмотрите за братьями, мы скоро вернемся.

Ночь выдалась ясной, лунный свет, отражаясь от белого снега, заливал улицы холодным сиянием. Чтобы не выдать себя, преследователи держались на приличном расстоянии.

Прошло около пятнадцати минут, когда Линь Чанбинь свернул в один из глухих переулков. Юноши ускорили шаг, стараясь не шуметь.

Они увидели, как он остановился у крепких ворот и нетерпеливо постучал.

— Цуйся, открывай, это я!

Вскоре в окне забрезжил свет, и на порог вышла женщина, набросив на плечи ватную куртку.

— Что ж ты снова в такой час притащился?

— И не спрашивай... Опять с этой ведьмой сцепился.

— Ох, бедный мой, натерпелся ты страху...

— Ладно, будет об этом. Есть охота — сил нет, свари мне чего-нибудь поскорее.

Как только дверь за ними захлопнулась, Ван Ин и Цинъянь вышли из тени. Они внимательно запомнили расположение дома и поспешили обратно.

Чэнь Жун металась у ворот. Увидев их, она бросилась навстречу:

— Ну как? Нашли, где он пригрелся?

— Нашли, тетушка. Совсем рядом, — запыхавшись, ответил Ван Ин. — Нужно идти на запад, миновать три переулочка и на углу свернуть налево. Второй дом по левой стороне — там она и живет.

— Будь он проклят! — Женщина окончательно похоронила в душе остатки былых чувств.

В глубине сердца она еще надеялась, что слова Цао Куня окажутся ошибкой или злой шуткой. Каким бы никудышным ни был Линь Чанбинь, они прожили под одной крышей восемнадцать лет. Она не верила, что можно быть настолько бездушным.

Но теперь сомнений не осталось. Он и впрямь вычеркнул ее и детей из своей жизни.

— Время позднее, идите отдыхать. Завтра будет тяжелый день.

— Тетушка... — Юноша видел, как она бледна, и всерьез опасался, что она не выдержит удара.

Чэнь Жун погладила его по плечу:

— Не бойся за меня. У меня еще двое сыновей, ради них я из пепла восстану.

Материнское сердце — бездонный колодезь. Оно может стерпеть любую обиду, любую нужду, но не посягательство на жизнь и счастье детей. Кто решит погубить ее дитя — пусть знает: она вцепится в глотку и не отпустит, пока не вырвет кусок плоти.

***

На следующее утро, когда небо еще только начало сереть, в доме Линь уже горела лампа.

Чэнь Цинъянь помог тетушке составить письмо о расторжении брака. Он четко и ясно изложил все причины: тайное содержание любовницы, пренебрежение нуждами семьи и позорный замысел продать родного сына за лавку.

Ван Ин стоял рядом, не сводя глаз с мужа.

— Как же красиво ты пишешь, — не удержался он от похвалы.

Племянник лишь густо покраснел до самых кончиков ушей.

Ван Ин хотел было настоять на том, чтобы Линь Чанбинь ушел в чем мать родила, ведь таким бесстыдникам поблажек давать нельзя. Но законы династии У были суровы: даже при холи правда чаще оставалась на стороне мужчины. Чэнь Жун могла забрать лишь то приданое, с которым пришла в дом восемнадцать лет назад, остальное имущество по праву принадлежало мужу.

Да и дети по обычаю должны были остаться в семье отца. Но мать и мысли не допускала о том, чтобы оставить сыновей этому человеку. Именно поэтому вчера они выслеживали Линь Чанбиня — чтобы застать его врасплох и лишиться возможности спорить.

Он дождался, пока тушь подсохнет, и протянул бумагу тетушке. В самом конце он добавил от себя строку: «Отныне всякая связь между нами разорвана, и до самой смерти знать друг друга не желаем».

— Пора. Идемте.

Они вышли на улицу.

Дядя Чэнь шел впереди, освещая путь фонарем. Чэнь Жун следовала за ним твердым, решительным шагом.

Сегодня она оделась с особой тщательностью: поверх темно-красного бейзи на ней была атласная стеганая куртка — наряд, который она берегла для особых случаев. Волосы были высоко убраны и заколоты серебряными и нефритовыми шпильками, на лицо нанесен тонкий слой белил. В этот миг она казалась на несколько лет моложе — в ней снова проснулась та гордая и статная девица из семьи Чэнь, какой она была когда-то.

Ван Ин и Чэнь Цинъянь замыкали шествие. При мысли о предстоящей сцене «поимки

прелюбодеев» сердце юноши начинало бешено колотиться, а ладони становились влажными от волнения.

В прошлой жизни он видел такое только в кино, и подумать не мог, что однажды окажется в самой гуще подобных событий.

Вскоре они достигли нужных ворот.

— Этот дом? — шепотом спросила Чэнь Жун.

— Он самый, — в один голос подтвердили молодые люди.

Дядя Чэнь подошел к двери и звучно постучал.

Через некоторое время изнутри слышались шаги и недовольный женский голос:

— Кого там нелегкая принесла в такую рань? Поспать не дадут...

— Я друг почтенного Линь-сюэя, — громко ответил дядя Чэнь. — У меня к нему срочное дело.

Женщина насторожилась:

— Какой еще ученый? Вы, верно, домом ошиблись.

— Да как же ошиблись, когда он сам меня сюда приводил!

Цуйся, решив, что это один из собутыльников ее покровителя, успокоилась. Она наскоро запахнула одежду и отодвинула засов. Но едва дверь открылась, она застыла как вкопанная. Перед ней стояли четверо, и взгляды их не сулили ничего доброго.

— В-вы кто такие?

Чэнь Жун, не говоря ни слова, с силой оттолкнула вдову и шагнула во двор.

— Линь Чанбинь! А ну выходи, старая скотина! Думал, за моей спиной девок по углам прятать будешь?!